

Глава 37: День приговора

На следующий день, о ночном инциденте стало известно всем.

Когда утром жители вставали и выходили из домов, их они видели странное зрелище в центре деревенской площади. Там стояли Гон и его люди в колодках на всеобщем обозрении. Их лица были красными от позора.

Один из подчинённых Хаяте объяснял всем проходившим мимо причины происходящего. Когда жители слышали о попытке изнасилования Рури, они кидали гневные взгляды на Гона. Но они были рады слышать, что усилиями Рио и Хаяте невинность Рури была защищена. Страж также рассказывал, как Рио чуть не забил Гона до смерти, а его подглядывавшие подручные остались на улице в холодной осенней ночи. Официальное наказание будет назначено на собрании позже в тот же день, но Гон, как зачинщик, не уйдёт от ответственности.

Весь день, каждый, кто видел Рио, окликал и благодарил его.

Гон собирался совершить ёбай. Это обычай в деревнях, согласно которому мужчина ночью пробирается к женщине с предложением секса. Если чувства были взаимны, то после согласия женщины, они считались официально помолвленными. Но если женщина отказывалась, мужчина должен был уйти.

В королевстве Карасуки, где сейчас находился Рио, в отличие от стран в Страль, была принята моногамия. Исключения делались только для привилегированного класса, в случае необходимости произвести наследника. Поэтому, после того, как женщина и мужчина давали друг другу клятву, они оставались женатыми до конца жизни, если только не происходило чего-то из ряда вон выходящего. Таким образом, невинность девушки была очень важна. Измена была неприемлема в обществе, каждый должен был посвятить свою жизнь одному супругу или супруге. Поэтому изнасилование было равносильно убийству и поджогу в королевстве Карасуки.

Ёбай, закончившийся попыткой изнасилования, был абсолютно непростительным поступком. Гон нарушил обычай ёбай и угрозой принуждал её. Никому не требовалось объяснять, насколько тяжёлым преступлением это было.

К счастью, изнасилование осталось только попыткой, и невинность Рури осталась нетронутой. Но в её сердце остался шрам, которого никогда не должно было появиться. Гон стоял в колодках позора на площади. Никто не жалел Гона, тщеславие и самоуверенность которого привели его к такому результату.

Для определения наказания для него было решено пригласить старосту деревни Гона. Несколько людей отправились туда. Для окончательного решения потребуется несколько дней. Хотя наказание ещё не было определено, никто никогда не слышал, чтобы насильники отделялись только штрафом. Будут ли его судить они, или суд страны, будущее Гона виделось крайне мрачным. К тому же, если Гон предстанет перед судом, Хаяте выступит как свидетель. Его наказание было неотвратимым.

Пока слухи распространялись по деревне, в доме Юбы начинался завтрак.

- Хорошо, давайте есть. – Рио говорил как обычно, расставляя тарелки. Он вёл себя как обычно, как будто вчерашний демон исчез, а его бешенство было ложью.

- Д-да...

- Ко-конечно...

- Д-действительно...

Несмотря на тени в комнате, Рури, Хаяте и Юба, видевшие ярость Рио вчера, ответили с запинкой. Его поведение ставило их в затруднение. Рио мог чувствовать это. Он почти упустил свою маску жизнерадостности с лица. Но он сумел обмануть их своей обычной улыбкой. Он хотел вернуть прежний мир, даже если это будет лишь видимость, и считал, что сейчас лучшее время для этого.

- Я искренне извиняюсь перед всеми за то, что потерял самоконтроль вчера.

Рио не считал, что сможет стереть впечатления от вчерашнего одним лишь извинением. Шок, непонимание, встревоженность – вот что они, должно быть чувствовали. Рио понимал, что вызвал ненужное беспокойство. В частности, Рури приходилось тяжелее всего. Когда Гон напал на неё, вместо того, чтобы утешить её, Рио лишь ещё более вогнал её в стресс, вызвав такой беспорядок и напугав её. Поэтому сейчас он извинялся перед всеми. Он действительно жалел об этом всем сердцем.

Он хотел вернуть прежнее их отношение к себе. Небольшое непонимание, может, и останется, но он хотел вернуть их мирную жизнь. Ему требовалось начать исправлять недопонимание между ними, поскольку он сам его вызвал.

Хотя его извинение вызвало удивление, ему было необходимо подчеркнуть свою искренность. Даже если это выглядело неподходяще, откладывать это было нельзя.

- Хаа.. Если Рури в порядке, мне нечего сказать.

- Действительно. С позволения Рио-доно, я скажу, что если бы Рио-доно не вмешался в тот момент, то не знаю, смог бы я сам удержаться.

Юба говорила, бросив взгляд на Рури. Хаяте поддержал её.

- Рио... ты в порядке? – немного колеблясь, спросила Рури.

- Да. Рури-сан пострадала больше меня. Прости, что напугал тебя прошлой ночью. – Рио поклонился так глубоко, что почти коснулся головой земли.

- Н-не надо, пожалуйста. Рио спас меня и... Я солгу, если скажу, что не испугалась тогда, но Рио был таким ради меня. Поэтому я в порядке. – голос Рури слегка дрогнул. Но она всё ещё была слегка напряжена. Возможно вернуться к прежним отношениям будет невозможно. Это естественно.

О чём она думала? Что чувствовала? Рио не мог знать её мыслей. Но он знал, что сейчас ей было тяжело. Из-за него. Ему требовалось взять на себя ответственность за это. Рио снова почувствовал, как его же действия давят на него.

- Мне очень жаль.

Рио снова искренне извинился. Он ничего более не мог сделать, чтобы вернуть их доверие. Так начался их завтрак. На первый взгляд это было ещё одно мирное утро.

После завтрака, Хаяте вернулся к своей работе, командуя людьми, грузившими продукты на

повозки. Ему нужно было прибыть в следующую деревню на следующее утро. Рио пошёл помогать в деревне. Юба заставила Рури отдыхать весь оставшийся день.

Когда Хаяте закончил подготовку к отъезду, Рио и Рури пришли проводить его. Попрощавшись со всеми, Хаяте повернулся к Рио.

- Я хотел бы побеспокоить вас по поводу Рури-доно, вы не возражаете?

На его лице было слегка грустное и сожалеющее выражение. Хаяте беспокоился о Рури, но не мог оставить миссию, возложенную на него государством. Поэтому, с тяжёлым сердцем, ему не оставалось ничего, кроме как положиться на Рио. Его голос был искренним.

- Конечно. – Рио не требовалось давать разрешение, поскольку это было его долгом. Его голос не дрогнул.

- Прошлая ночь всё ещё давит на неё. Это грубо с моей стороны – просить вас об одолжении, хотя мы встретились совсем недавно, но прошу вас, не доставляйте ей больше неудобств.

- Я запомню это.

- Мм, спасибо. Если судьбе будет угодно, я бы хотел поговорить с Рио-доно подольше. Молюсь, чтобы мы встретились снова. – Хаяте мирно улыбнулся. Рио наклонил голову. Они обменялись твёрдым рукопожатием.

- Хаяте-сама. – дождавшись, когда они закончат, Рури приблизилась к Хаяте.

- А, Рури-доно... Что случилось?

- Умм, это... - Рури застенчиво протянула ему небольшой мешочек.

- Это? – с удивлённым взглядом спросил Хаяте.

- Эмм, это талисман на удачу. Он неаккуратный, я делала его в спешке. Эмм, я буду молиться о вашей безопасности.

Рури подарила ему талисман на удачу, который делали в этой стране. В маленьком мешочке была небольшая дощечка с именем дарителя. Считалось, что когда обладатель его попадёт в беду, весь вред передастся дарителю.

- А! Это... Это! Спасибо огромное!

Хотя Хаяте знал об этом, он никогда не думал, что получит такой от Рури, из-за чего он был ошеломлён и очень рад. Он дрожащими руками принял талисман.

- По-пожалуйста. Вы защищали меня всю ночь. Это знак моей благодарности. Это немного, но...

- Совсем нет! Это лучший подарок на прощание, на который я только мог надеяться! Я буду хранить подарок Рури-доно как сокровище всю жизнь! – Хаяте выпалил слова, которые можно было бы принять за признание, с таким воодушевлением, что, казалось, он пустится в пляс. Хотя он сам вряд ли мог заметить впечатление, которое производили его слова. Рури неловко улыбнулась в ответ на эмоциональную речь Хаяте.

- Я хотел бы дать вам что-нибудь в ответ, но... простите. Когда я приеду в следующий раз, я

обязательно приготавливаю что-нибудь. Эмм, я знаю, что тяжело перенести те эмоциональные травмы, которые вам нанесли, но прошу, продолжайте жить с сильной волей. Если я чем-то смогу помочь, обязательно скажите мне. Если вам что-нибудь понадобится, навестите мой дом в столице.

- Да... Тогда, пожалуйста, берегите себя.

Рури мягко взяла Хаяте за руку своими руками. Лицо Хаяте немедленно покраснело. Нарушив неловкую тишину:

- Ну что ж, я тоже буду молиться о вашей безопасности. Хаяте-доно, могу я побеспокоить вас, чтобы вы доставили это письмо Гоки-доно по возвращении в столицу? – к ним подошла Юба. Вернувшись в чувство, Хаяте повернулся к Юбе. Юба улыбнулась ему, увидев его реакцию. Он прочистил горло и принял письмо. Это послание было написано на дорогой бумаге, показывая, что это важно.

- Отцу? Я доставлю его без промедления.

- Благодарю вас. Не потеряйте его, оно важное.

- Конечно. – Хаяте ответил серьёзным тоном на предупреждение Юбы.

- Я искренне благодарю вас за гостеприимность, оказанную нам в этот раз. Надеюсь, мы встретимся снова. Молюсь, чтобы ваше здоровье оставалось крепким!

Хаяте спрятал письмо в нагрудный карман и попрощался со всеми присутствовавшими. С бесстрашным лицом Хаяте повернулся на каблуках и вскочил на лошадь. Это была великолепная лошадь, её чёрная грива и крепкое тело создавали сильное впечатление. Она несомненно была быстрой. Но сейчас она шла мерным шагом со скоростью повозок. Вслед за Хаяте, вожатый тронул повозки. Колёса стучали по дороге, пока повозки удалялись от деревни. Рио и остальные провожали Хаяте с улыбками.

Прошло два дня. В деревню прибыли староста деревни Гона и ответственный за торговую группу. Они прибыли для обсуждения инцидента Гона и его людей. Хотя они находились в юрисдикции деревни, они всё ещё были чужаками в ней, и принадлежали к другой деревне. Если бы они хотели, чтобы Гона казнили, они должны были проигнорировать это и передать его государству, которое бы вынесло публичный приговор. Но такие действия могли вызвать неприятие в будущем, поэтому на данный момент, содействие деревни Гона было желательным.

- Итак, как вы намереваетесь компенсировать нам этот инцидент? – чтобы не затягивать дело, Юба быстро обрисовала произошедшее и перешла к компенсации, не пытаясь скрыть своё презрение.

- Я должен сказать, что я тоже поражён их поступком... Я глубоко сожалею о произошедшем.

- Хее... Вы – отец Гона, и не обеспокоились тем, что он пошёл по кривой дорожке? – Юба подняла бровь, получив неожиданно спокойный ответ от отца Гона.

- То и это – разные вещи, не так ли? Мы не можем ничего сказать в его защиту. Но он уже взрослый, поэтому мы обеспокоены тем, что вы пытаетесь повесить ответственность за его действия на нас...

- Что?

Это было сказано спокойно. Но звучало очень эгоистично. Естественно, что Юба разозлилась. Рио тоже почувствовал отвращение к отцу Гона. Конечно, взрослый должен нести ответственность за свои поступки, даже если они выросли испорченными. Но часть ответственности лежит на окружении, в котором он вырос. Гон вырос в деревне, которая считала его опухолью. Если они никогда не обращали на него внимания, и не ругали его за его проступки, логично, что он вырос таким. Как и следовало ожидать, Гон вырос в доме, где основное внимание уделялось старшему сыну, а младший оставался один. У отца Гона были крепкие нервы, если он мог так спокойно притворяться, что его вины в действиях сына не было. Правда, он вряд ли бы смог стать старостой, если бы не умел так делать.

- Вырастая, ребёнок становится отражением того, в каком окружении он рос. Разве нет вашей ответственности в том, каким он вырос?

- Вы правы, но, как вам известно, люди сами ответственны за своё будущее. Кроме того, он всё равно станет рабом по преступлению? Он дешевле, чем обычный раб, но вы всё ещё получите немного денег с него. Этого будет достаточно для компенсации.

Отец Гона увильнул от вопроса Юбы. Жизнь её драгоценной внучки оказалась практически разрушенной. Жалкая сумма денег явно будет недостаточной. Судя по поведению отца Гона, он решил оборвать все связи с Гоном и его группой отверженных, в случае подобного инцидента. Очень подозрительно. Юба бросила взгляд на Рио. Рио коротко кивнул в ответ.

- Позволив им путешествовать с группой торговцев, вы преследовали какую-то цель. В таком случае я предполагаю, что вы собирались утилизировать их, чтобы возместить убытки, которые они нанесли. Ожидать только выгод и игнорировать возможные последствия – это довольно эгоистично, вы так не считаете?

- Правда?

Рио говорил безразличным тоном. Юба кивнула в подтверждение. Поскольку отец Гона позволили проблемным детям путешествовать с торговой группой, он нёс ответственность за их действия. Он пожинал плоды их использования, но не хотел быть связанным с ними в случае, если они доставляли проблемы. Столь удобное для него отношение было неприемлемо для них. В современном мире это был вопрос общепринятого этикета, но в этом мире он был неизвестен.

- Ух, знаете...

Отец Гона пришёл в затруднение от вопроса Рио. Но даже в таком случае, он не собирался брать на себя ответственность за них. Прежде чем отец Гона прибыл в деревню, Рио посоветовался с Юбой насчёт этой проблемы, и пока что разговор шёл в пределах их расчётов. Если невозможно было достигнуть понимания между двумя сторонами, они будут искать иные способы давления для того, чтобы обернуть ситуацию в свою пользу. Если ситуация того требовала, им ничего не оставалось, как применять жёсткие меры. Рио и Юба терпеливо ожидали ответа отца Гона.

- Этот инцидент приведёт к тому, что мы потеряем много рабочей силы, и это приведёт к большим проблемам в будущем для моей деревни. Поскольку в этом случае мы оба будем жертвами, может, мы оба примем наши потери и будем жить дальше?

Отец Гона продолжал отрицать свою ответственность. Но объявить себя самого жертвой – это

просто абсурд. Всего было пять людей, включая Гона. Хотя наказание для них всё ещё не было определено, даже если они вернутся в деревню, их там не примут. Они будут париями. Если бы у него был выбор, отец Гона предпочёл бы изгнать их, чем возвращать в деревню. Но тогда его деревня потеряет драгоценную рабочую силу. Это довольно ощутимая потеря.

- Понимаю. Кстати, мы уже забрали товары вашей группы. – встретив такое упорство, Юба выложила свой козырь.

- Ч-что вы сказали!? Это же грабёж! Да вы издеваетесь!? – отец Гона резко вскочил на ноги и начал орать в ярости.

- Сначала дослушайте. У меня есть предложение, выгодное нам обоим.

- ...Какое? – осаженный тоном Юбы, отец Гона сел обратно. Пока что пространство для переговоров ещё оставалось.

- Во-первых, допустим, что Гон станет рабом по преступлению. Есть ли возражения по этому поводу?

- Нет...

Похоже он уже принял это. Даже если Гон был проблемным ребёнком, он всё ещё оставался его сыном, но у него не было выбора, поскольку Гон совершил непростительное преступление.

- Вы считаете, что они должны нести ответственность за собственные поступки. Так?

- Да...

- Тогда всё становится намного проще. Я предлагаю вам продать их как обычных рабов.

Лицо отца Гона приняло сложный вид.

- Но они не совершали преступления, которое обязательно привело бы их к превращению в рабов по преступлению. Поскольку они взрослые люди, нам нужна серьёзная причина для продажи их в долговые рабы. Подсматривание не тянет на подобное...

- У них остался долг по отношению к Рури. Это возмещение убытков, знаете ли...

- Всего лишь этого недостаточно.

Отец Гона находился в состоянии недоумения. Чтобы стать долговым рабом, человек должен был кому-то задолжать денег. Но возмещение убытков необязательно измерялось деньгами. Конечно, получив согласие нарушителей, можно было договориться об этом, но в данном случае, они вряд ли бы согласились. По большей части, если явного урона не было, нарушители игнорировали возмещение убытков вообще. Даже если урон был явным, возмещение было слишком малым. Такого явно было недостаточно, чтобы превратить их в долговых рабов.

- Хм, вы можете заменить это возмещение.

- ...Заменить, да?

- Ответственность за возмещение лежит как на них, так и на вас. Другими словами, если вы выплатите всё из своего кармана, вы сможете заявить, что теперь они должны вам то, что вы

заплатили за них.

- Ну, это...

Тем не менее, даже в этом случае, если тем парням было нечем платить отцу Гона, предложение Юбы теряло смысл. Младшим сыновьям доставалось мало, поэтому у них было нечем расплачиваться. Именно поэтому отец Гона старался спихнуть всю ответственность на них, чтобы его деревня не пострадала. С самого начала Юба требовала выплат не от них, а от отца Гона, который, являясь старостой деревни, обладал более чем достаточной суммой.

- Тогда, вы признаёте, что выплачиваете долг Рури полностью.

- Что вы...!?

Голос отца Гона был полон возмущения. Переговоры вернулись к изначальной точке. Поскольку с виновных нечего было брать, Юба настаивала, чтобы он лично выплатил всё. Отец Гона не мог понять её.

- Если вы так сделаете, им придётся занять денег у вас, так? Вам, как старосте будет нетрудно оказать им услугу и выплатить их долг за них, а затем подписать контракт. Вы легко сможете превратить их в долговых рабов.

- !!!

Наконец отец Гона понял её. До сих пор, Юба, отец Гона и те, кто навредил Рури, находились в трёхстороннем противостоянии, но сейчас Юба перетянула отца Гона на свою сторону.

- Вы передадите свои товары нам. С другой стороны, вы продадите их как долговых рабов, чтобы возместить свои потери здесь. Конечно, мы примем и денежное возмещение вместо товаров – на ваш выбор. Эти идиоты понесут наказание, и ни одна деревня не пострадает.

Наказание понесут только те, кто навредил Рури. Другими словами, пожнут то, что посеяли. Но отец Гона...

- Это ведь всего лишь подглядывание. Доходить до такого... - они всё ещё оставались частью его деревни.

- Невинность девушки так мало значит для вас?

- Н-нет... - под давлением Юбы отец Гона отступил.

- Мало того, что они не останавливали Гона, они ещё и поддержали его. Думаете это можно рассматривать как простое подглядывание?

- Ну...

- Они нанесли почти непоправимый вред моей драгоценной внучке. Я не позволю им уйти просто так. Если вы не принимаете мои условия, я заберу ваши товары здесь и сейчас. Конечно, это может привести к конфликту между деревнями. Выбор за вами.

- Это...

Отец Гона немедленно подсчитал возможные выгоды и убытки. Продажа товаров в столице должна была обеспечить деревню до следующей осени. Это очень внушительная сумма. Но

трудно было сказать, что было выгоднее – продажа товаров или рабов в расцвете сил. Они были полноценными мужчинами, и сумма за них выходила очень приличная. В отличие от рабов по преступлению, долговые рабы могли обрести свободу, как только они отработали свой приговор. Если их изгонят из деревни, они скорее всего станут бандитами. В таком случае дать пожать то, что они посеяли, было лучшим вариантом.

- Хорошо... Я передам их вам.

Отец Гона решил продать людей в рабство сам. Рио молча смотрел на него. Переговоры продолжились.

В тот вечер Рио пришёл на маленький холм, где была могила для его родителей. В последнее время он каждый вечер навещал её после работы. Он видел признаки наступавшей осени. Стоя перед каменным надгробием, Рио смотрел на закат, окрашивавший небо алым.

Несколько дней назад Рио поддался гневу. Хотя он восстановился всего за ночь, Рио впервые начал опасаться невероятного гнева, обитавшего внутри него.

Он не мог понять себя. Глубокая ненависть и жажда мести убийце его матери пряталась в нём. С другой стороны, Рио как Амакава Харуто не мог простить убийцу матери Рио. Это смешивание было слишком тяжёлым. До сих пор Рио, нет, Амакава Харуто избегал этой стороны. Он не смел сделать шаг на тропу, с которой нет возврата. Амакава Харуто подавлял желание Рио отомстить всё это время.

Хотя это было не совсем так, но недавний случай оказался хорошей возможностью. Он позволил ему осознать свои желания в этом мире заново. Этот случай, напомнивший ему о смерти матери, глубоко вскрыл тьму в его сердце.

Месть не даст ему ничего. Даже если он отомстит, его ожидает лишь пустота. Даже если его мать мертва, мог ли он судить, что есть добро, что зло? Он стал бы таким же, как тот, кого ненавидел. Он не хотел этого. Те, кто не знал подобных ощущений, легко отвергли бы подобную идеалистическую риторику. Не обращать внимания на проблему, игнорировать её и жить дальше. Харуто пытался подавить желание мести. Он отрицал существование Рио, не желая встречаться с тем «собой».

Если бы он это сделал... Ему бы пришлось встретиться с уродством, жившим внутри него. Ему пришлось бы принять своё высокомерие. Ему бы пришлось вскрыть старые раны, которым только предстояло зажить. Он хотел продолжать держать их под бинтами, не трогая саму инфекцию. Почему? Потому что это был самый лёгкий путь.

Без гнева он считал, что не станет эгоистом. Став таким, он ощутил, что осквернил этим смерть его матери. Она потеряла мужа, когда Рио родился. Хотя ей было тяжело, она любила его всем сердцем, поэтому он не мог позволить стать эгоистом. Придумав себе такую причину, Харуто продолжал убегать от Рио.

Он был прагматиком. Он решил никогда не терять контроль над собой. Он решил не действовать по велению инстинктов или эмоций. Это не значило, что он станет действительно хорошим человеком, но по крайней мере, он не будет доставлять проблем другим. Если бы все жили так, мир был бы куда лучшим местом.

Разве это не было замечательно? Но даже если бы он жил так, мир бы не стал следовать ему. Его заставили принять то, что мир жесток и не прощал ошибок. Даже кажущиеся хорошими люди имели извращённое чувство справедливости. Жизнь не ценилась, а жестокость

процветала. Жадность и эмоции заставляли людей быть жестокими друг к другу.

Когда кто-то сталкивается с жестокостью, ему ничего не остаётся, кроме как быть человеком. Люди не могут не действовать по зову желаний и эмоций. Это неизбежно. Рио уже видел это. Каждый раз Рио подавлял свои эмоции, чтобы защитить себя. Каждый раз, когда он вспоминал это, у него во рту появлялся горький привкус.

Глубоко внутри он понимал, что это естественная человеческая реакция. При глубоком анализе можно было понять, что месть была лишь сплавом инстинктов и желаний. Он не мог отрицать этого, но не хотел принимать это. Он избегал мыслей о мести. Он не желал признавать, что он так уродлив внутри.

Хотя он ненавидел людей, живших согласно своим желаниям и инстинктам, он сам жил согласно своим желаниям и инстинктам. Невозможно. Он не мог жить с этим.

Испытав эти эмоции в тот день, Рио не мог не заметить своего притворства. Он сам был человеком, который жил, повинаясь своим желаниям и инстинктам. Когда он осознал это, он понял, что внутри него обитает нечто ледяное и опасное.

Даже сейчас он хотел продолжать ограничивать себя, чтобы жить как разумный человек. Но теперь, когда он осознал, что такой же, как и остальные... Он больше не хотел жить как лжец, зализывая раны. Мир был жесток, но он хотел жить самым удобным способом.

Теперь, с этого момента, даже если он встретится с адом лицом к лицу, он не убежит. Он примет решение, основываясь на необходимости, потому что он был, есть и останется человеком.

Он не будет против замарать руки, если потребуется. Он не будет больше жалеть противников. Он не будет прятаться от уродства внутри себя. Даже если это решение было ради самоудовлетворения, он пройдёт всё это. Он вынесет любые грехи, любой ад. Он не будет больше убегать. Он не будет больше пытаться оправдывать свои действия.

Рио решил вернуться в Страль, чтобы закончить там свои дела. Если тот человек умрёт, он не против умереть сам. Если он выживет, он ответит за свои грехи. Он безответственно двигается вперёд. Это было прощание. Прощание с его прошлым слабым собой. Наконец-то он мог с гордостью сказать, что искренне желал этого. С того дня обновлённый Рио, отринувший своё прошлое бессильное «я», свои прежние переживания, родился заново.

(П.п.: Я ещё раз извиняюсь за такие перерывы в переводе, я стараюсь делать что могу, но когда закончится эта суматоха, сказать не могу. Могу только просить потерпеть(□_□))

<http://tl.rulate.ru/book/1369/96349>